

отдалении и считающееся в Ермаках более закрытым и архаичным в культурном и языковом плане. Несмотря на схожесть святочного обряда (в Еловке он также проходил в ночь с 13 на 14 января и представлял собой обход домов ряжеными с целью «посевания» и получения угощения), здесь ни разу не было зафиксировано наименования *шуликины*: по словам информантов, про ряженных говорили, что они ходят *по цыганям*, это также может косвенно указывать на внешнее происхождение слова *шуликин* в лексике жителей Ермаков и Осиновки.

[Бегали ли на Святки?] [ШАИ:] Куда? [По деревне, что-нибудь выпрашивая?] А, бегали. [ШНД:] А, это эти, по цыганям. [ШАИ:] По цыганям. [ШНД:] Ну у нас это как называлось — «по цыганям». Ну, Святки, Святки, а вот здесь у нас «по цыганям» называли. Ну, «по цыганям» — это значит, что выпрашиваешь ходишь там, ну. Вот здесь, в деревне, у нас по крайней мере так вот это говорили, не «Святки», а «по цыганям». [Ничего не пели, когда выпрашивали?] [Декламирует:]

Щёдры-бодры,
Побилися вёдры,
Клёпочкой в плеть,
За салом в клеть.

Вот «по цыганям, по щёдры» это называлось у нас.

Традиция святочного ряженья и обхода домов на Старый Новый год в трех самоходских селах постепенно уходит в прошлое. Население Ермаков, Осиновки и Еловки с каждым годом уменьшается, повышается средний возраст жителей; заметное влияние на динамику традиции святочного ряженья оказывает и Дом культуры села Ермаки, который организует обходы со звездой. Тем не менее слово *шуликины*, сохраняющееся в лексике жителей Ермаков и Осиновки, в том числе детей, остается живым свидетельством происходившего в прошлом этнокультурного взаимодействия, позволяющим реконструировать процесс формирования локальной традиции этих мест.

Примечания

¹ См. список информантов на с. 31.

Литература

1. Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Шуликуны // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2014. С. 583–585.
2. Зеленин Д. К. Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских // Зеленин Д. К. Избранные труды: статьи по духовной культуре, 1917–1934. М., 1999. С. 82–99.
3. Нагорная Я. В. Святочные обходы дворов в Поморье (по материалам экспедиций Пушкинского Дома) // Русская литература. 2021. № 2. С. 240–251.
4. Толстой Н. И. Шуликуны // Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. М., 1995. С. 270–279.
5. Фурсова Е. Ф. Крестьяне-старожилы и переселенцы Юга Западной Сибири: севернорусский компонент в традиционной культуре (конец XIX — первая четверть XX века) // Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII — начало XXI века) / отв. ред. А. В. Бауло. Новосибирск, 2014. С. 98–201.

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2023 г.

Дарья Владимировна Родионова,
студентка
Анна Сергеевна Кулакина,
студентка

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва)

ОБРЯД «СВЕЧА» в с. ОСИНОВКА И СВЯЗАННЫЕ С НИМ НАРРАТИВЫ

Аннотация. В статье идет речь о старинном белорусском обряде перенесения «свечи», бытующем в с. Осиновка Викуловского района Тюменской области. Описываются его история в отдалении от места зарождения, ход обряда, традиции, связанные с обрядом, предметы и тексты, используемые в обряде.

Ключевые слова: обряд «Свеча», икона, Рождество, Осиновка, акциональный код обряда

В ходе разговоров о праздниках в с. Ермаки Викуловского района Тюменской области местные жители рассказали о «празднике свечи», который отмечается в соседней Осиновке. Изучение записанных материалов выявило, что этот праздник — одна из вариаций обряда перенесения «свечи», практикуемого практически на всей территории Белоруссии [2]. Ранее данный обряд исследователи уже отмечали у самоходов [5], однако в экспедиции 2023 г. были записаны новые нарративы и отмечены некоторые новые детали. «Свеча» может быть приурочена к разным христианским праздникам — престольным или *оброчным* (обетным) [1]. В с. Осиновка центральный объект обряда — не свеча, а икона Воскресения Христова, и днем ее перенесения является Рождество Христово. Обряд принято считать «осиновским» («это праздник вообще испокон веков осиновский» [ВИН]¹;

«это всё осиновское» [ПТИ]; «это строго осиновский токо праздник был» [ВИН]). Информанты упоминали о том, что в соседних Ермаках и Еловке когда-то тоже переносили икону — на Николу зимнего и на Покров соответственно, при этом обряд сохранился только в Осиновке.

Много на Рождество народу стало очень много ездить: машин сто, сто с лишним, если вот как, когда идёшь в Осиновку, приезжаешь туда на Рождество, машин очень много, народу очень много. [Нам говорили, что в Ермаках тоже переносили икону, не было такого?] В Ермаках? [Да.] Этого я не знаю, не слышала, сколько вот живу. [Может, это раньше?] Может быть, раньше. Вообще считается Рождество — это праздник осиновский. А наш праздник считался Никола осен... зимне, девятнадцатого декабря, вот это наш был праздник, я даже помню с детства, (...) раз мама осиновская, сёстры, братья, де... мама с папой её при-

ходили к нам в гости, а мама уже потом на Рождество к ним идёт в гости, вот. На эту икону сходит. И они ещё называют «икона» и говорят «свеча», «праздник свечи» [СТФ].

Вот, например, эта икона — Воскресение Христово, но почему её переносят в Рождество — непонятно никому. И... как бы бабушки ничего нам не могли рассказать, которые ещё были живы. Почему именно Воскресение Христово переносят в Рождество. Так оно и осталось испокон веков. А в другой деревне — вот в нашей деревне, в Ермаковской — носили Николу-чудотворца, а в Еловке на Покров носили — в каждой деревне то есть носили свою икону. И это всё уже пошло оттуда, из Белоруссии, потому что ихние родители делали так. Теперь делают они так, теперь делаем мы так. [Николу носили зимой?] Девятнадцатого декабря. [Это уже кончилось?] Да, да. Теперь ни у нас, ни в Еловке этого не сохранилось — сохранилась только Осиновка. [Куда делись иконы в Ермаках и Еловке? Их передали куда-то?] Их передали в церковь викуловскую, потому что здесь пока у нас не было церкви [ВНИ].

Местные, самоходы, стараются поддерживать свою белорусскую идентичность и время от времени совершают поездки в места, откуда их предки переселились в Сибирь. Они делают наблюдения, касающиеся традиции и говора, сравнивают их со своими. В частности, обратили внимание и на обряд «Свеча».

Получилось так, значит: мы когда в Белоруссии были — у них свеча, вылитая из воска, стоит тоже в музее. Мы когда стали

Участницы экспедиции Мария Агафонова, Вера Саяпина и Вера Федорова в доме А. П. Шевелёвой перед перенесением иконы-«свечи». 7 января 2024 г. Фото Н. В. Петрова

спрашивать, они сказали: «Вот мы носили... икона...» Вот эту свечу носили, а икона — это уже к свече как бы. А раз у наших-то нету такого, но они в зерно ставят — ну, такой туесок вон с зерном стоит, и они в такой туесок ставят свечи. Эти свечи, как народу много, эти свечи все в кучу делаются, потом сливаются, и... в общем, жарко, они сливаются, плавятся и становятся в одну — поэтому называли «Свеча». Вот в простонародье как бы у нас все, ну: «Поедете на "Свечу"?» — «Поедем». Все знают уже... что «Свеча» — это нужно перенести икону. [То есть свечу специальную тут не делают?] Нет, нет. [Икону переносит со свечой вместе?] Вот с таким вот туеском, в котором зерно, и со свечками переносят, и хлеб. Сначала хлеб несут завернутый в рушник, этот хлеб передают тем хозяевам, которые встречают эту икону [ВНИ].

Важная особенность осиновского обряда «Свеча» — нарратив о его происхождении, заметно отличающийся от стандартных рассказов, записанных на эту тему на территории Белоруссии, как правило связанных с *оброком* (обетом) [2. С. 10]. Согласно местному преданию, в 1937 г. церковь в с. Ермаки разгромили, и жительница соседней Осиновки Марина (Мария?) Прокопцова спасла икону и спрятала ее у себя дома. С тех пор «свечу» в назначенный день переносят из одного дома в другой. Накануне вечером в дом, где в течение года хранилась икона, люди приходили поклониться ей, как в церковь; хозяйева дома не должны этому препятствовать и обязаны накрыть стол для всех посетителей.

Ну, а у нас и уже в тридцать седьмом году... Иван привёз ето, вот эту икону, что у нас она, она с Тобольской губернии, эта икона. Привёз эн... Привёз ён в эту, у нашу церковь. А потом же ж тут стали уже, ето, уромить, это, церкви эти, и наши вот поселенцы, женчины, украли, Осиновка, эту икону, и сюда её прынесли. Прынесли, у нас тут женчина была, тут уде-то на

краю она жила, Мария, баба Маша её, и яна е... к ней её в амбар и... Раньше и клюква же была, яуод же мноуо було, ето... И яны туда закопали, в этот, в такой чулан, туда яуод этих понасыпали, рыззьями этими понакрывали, а рыззья — это что у нас? Тряпки, ну вот этими всякими туда, чтобы не было видать. Ну и всё. И оны ея [церковь в с. Ермаки] сожули и стали искать эту, хто украл икону. Но ниhto н... Так яны не нашли. Это тут ездили, ездили, и так яны не нашли, так ина осталася. А потом приходит время, шестоуо... Вот этоуо, седьмое на ето, января, на Рожжаство, и потом, это, детей она посылает этих, малых своих, что: «Беуи... Бежите по всёй дярвене, уворите, что: "Айдате к Марье-боуачу на свячу"» [ЮЗП].

Сначала, согласно преданию, икону не переносили, а праздновали только в одном доме.

Вот эта вот икона Рождественская у этой бабушки, Марины Прокопцовой, простояла до сорок четвёртого года. Вот. А когда закончилась... она вытаскивала её, в Рождество она её тихонько вытаскивала, чтобы не видели. Вечером отправляла ребятишек по деревне, и ребятишки говорили: «Приходите на свечу к Елене²-богачу». То есть она считалась богатой: у ней такая икона была с церкви большая. Ребятишки обегут, скажут — бабушки придут, всё, помолятся, всё проведут, весь обряд, и опять утащат её в амбар. И когда закончилась война, тогда они её вытащили и стали... решили, как в Белоруссии, носить из дома в дом. [До 1944 года икона была только у неё?] С тридцать седьмого только у неё и стояла, хранилась. [А потом стали передавать?] Да [ВНИ].

Формула приглашения впервые была зафиксирована ишимским журналистом и краеведом Г. Крамором: «Перед переносом из дома в дом по всей деревне бегают дети, зазывая: "Приходите (или: айдате) на свечу к Ивану-богачу"» (имя меняется в зависимости от того, у кого будет гостить

святыня)» [4. С. 97]. Она же в качестве «детской приговорки» упоминается и в статье О. А. Лобачевской и Р. Ю. Федорова [5. С. 76]. Наши информанты объясняют ее тем, что хранительница иконы «считалась богатой» (см. выше). Однако подобная интерпретация выглядит вторичной: икона как богатство, а ее обладатель как богач — не самые распространенные характеристики. Представляется возможным допустить, что здесь произошло переосмысление некоего обрядового термина. Так, А. Б. Богданович в контексте дожиночных обрядов, приуроченных к Рождеству Богородицы (этот день у белорусов именуется *Багач*), приводит описание ритуальной практики, напоминающей по структуре перенос «свечи». В ходе обряда использовалась «лубка» (кадушка или ящик) ржи со вставленной в нее свечой, которая также в течение года находилась в одном доме и которую раз в год на Рождество Богородицы переносили в другой дом, причем свеча при этом зажигалась. Данный обрядовый объект именовался *богачом* [3. С. 124].

Обряд в Осиновке проходит так. Вечером 6 января, в Рождественский сочельник, хозяйева дома, из которого на следующее утро будут переносить «свечу», устраивают трапезу для гостей, во время которой могут исполняться молитвы и песни. Гости с вечера приходят к иконе, приносят к ней различные подарки — деньги, рушники. Перед иконой молятся, прося исцеления или других благ.

Подарки приносят, вот отрезки, например, матерьяла. Если кто-то в доме лежит больной, они измеряют его рост вот этот... и вот этот отрезают отрезок и несут, молятся за него и вот этот отрезок отдают. [То есть это не просто подарок, а просьба?] Ну, они просят, чтоб он выздоровел. [От ткани отрезать кусок в рост больного и отнести?] В рост, да, да, да. Просят, чтобы он выздоровел. [Куда кладут? В руки хозяевам?] Нет, вот, вот эти вот створки — вот на эти створки вешают сверху [ВНИ].

Перенесение иконы-«свечи» из дома А. П. Шевелёвой в дом Л. В. Шевелёвой. 7 января 2024 г. Фото Н. В. Петрова

Во время перенесения «свечи» все подарки, принесенные с вечера, гости забирают с собой в принимающий «свечу» дом. Около четырех часов утра мужчины из принимающего дома устилают дорогу от своих ворот к воротам отдающего дома соломой или сеном.

Дорогу устилают ночью, поскольку до перенесения по соломе ходить нельзя. Утром у передающего дома собираются гости. К иконе выстраивается очередь из желающих помолиться и положить к ней подарок. Однако с девяти до десяти часов икону уже необходимо выносить, поэтому некоторые гости идут сразу к принимающему дому. Примечательно, что мы записывали рассказы о предзнаменованиях, говорящих о том, что икону пора переносить.

И поэтому как-то один раз — она стояла у Денисенко Анфисы Дмитриевны, женщины, и уже был десятый час, ждали какую-то тюменскую группу из Тюмени, тоже этих, студентов из института культуры, ждали, что они вот должны подъехать. И уже был десятый час, и на небе вышел месяц с крестом. [Как это?] Ну вот, на нём крест был, знамение. [Пятно в форме креста?] Да. Потом ребяташки с улицы прибежали, говорят: «Переносить надо, посмотрите: уже крест!» — его фотографировали. И когда этот ребёнок сказал, что надо переносить уже это, вот — люди идут, несут какие-то подарки. К иконе нельзя просто так ходить — нужно принести какие-то подарки: кто-то отрезы нёс, кто-то рушники нёс, там полотенца, кто-то нёс деньги, такая тарелочка стоит, и ложат деньги. И вот, когда он сказал, эта тарелочка лопнула просто-напросто, все деньги развалились. Тогда и, это, сказали: «Никого мы ждать не будем, давайте будем выносить!» И только как раз начали выносить, и группа эта подъехала [ВНИ].

Около десяти часов «свечу» выносят из дома. Переносят не только саму икону, но и хлеб с солью на рушнике (или же посыпанный солью хлеб) и тус с зерном, из которого заранее вынимают свечи. Хлебом с солью обмениваются хозяева двух домов, обнимаясь при этом и желая друг другу здоровья. Этот хлеб затем могут отдавать скоту. Что касается зерна в тусе, то отдающая сторона при необходимости могла его менять, если туда накапало много воска, но необязательно полностью все зерно. Икону переносят к новому хранителю двое мужчин (по одному из отдающего дома и принимающего); вдоль дороги, по которой они идут, на коленях на соломе стоят люди так, чтобы икона «проходила» над их головами. Когда обряд заканчивается, солому разбирают и затем используют в различных целях: скармливают скоту, кладут в углы хлева, чтобы скотина велась и не болела, на божницу, за икону, вешают в бане или над дверью дома.

А. П. Шевелёва в красном углу рядом со «свечой». 7 января 2024 г. Фото А. Б. Мороза

Это сено люди разбирают, в карманы толкают, в машины толкают, домой везут. Его, короче... оно считалось, что над ним икона, значит, проплыла, это значит, уже всё, оно как бы тоже уже что-то может эта солома сделать. Значит, её клали, говорят, на божницу — вот божница [показывает божницу в красном углу], вон там вон, где иконки маленькие стоят, — за иконку клали кусочек, значит. Кто-то уносил в хлева, чтобы скотина водилась, кто-то над баней там клал, над дверями, ну, в общем, считалось, что она тоже уже какая-то такая целебная, что она уже проплыла, но я её как-то это... [ВНИ].

Обрядовым предметом в конкретном случае становится не только икона, но и солома, которой устилают дорогу по ходу движения процессии, а также фотография женщины, спасшей икону. В принимающем доме эта фотография стоит в божнице и переносится вместе с иконой.

Вот эта женщина прятала. Щас она уже, наверно, умерла, эта женщина. [А откуда фотография?] А эту фотографию тут знакомые... где-то взяли. Знакомые, которые её знают, эту... эту женщину. Знакомые или свои она, не знаю. [И эта фотография тоже переносится?] Да, да. И эту фотографию носят [ШАП].

Когда «свечу» уже перенесли, в принимающем ее доме устраивается трапеза. Однако если 6 января в отдающем доме накрывают стол для всех желающих, то 7-го те, кто принял «свечу», готовят стол только для «своих» (родственников и соседей). Это объясняется невозможностью вместить в дом всех. Готовят в основном борщ, картошку, пельмени — «белорусские блюда», варят «самоходское» пиво.

Как уже было сказано выше, во время трапезы 6 января и перенесения «свечи» исполнялись песнопения.

Однако в основном эта традиция уже ушла в прошлое, информанты лишь смутно вспоминают, что раньше обряд сопровождался «старинными песнями». В настоящее время местный хор «Россияночка» исполняет рождественские песни:

Христос-Спаситель
В полночь родився,
В вертепе тёмном
Жить посявився.
В вертепе тёмном
Жить посявився.
Вот над вертепом
Звезда сияя,
«Христос родився», —
Всем извещая.
«Христос родився», —
Всем извещая.
Святая Дева
В ночи уходя,
Христу в Египте
Приют находя.
Христу в Египте
Приют находя [ХОР].

При этом оговаривается, что исполнение обычных песен, уместных для обычного праздничного веселья, во время обряда «Свеча» могло повлечь за собой беды.

А потом такие гуляния устраивали, ой-ой-ой. Это... хотя опять в тот день, когда икона в этом доме, петь нельзя. [В каком, в изначальном?] Вот када перенесли, када икону перенесли в этот дом, и петь нельзя. И вы знаете, я убедилась в том, это... у Федорцовых... мы вместе работали, ну, и у неё день рождения, у Галины Ивановны было. И вот она... ну, и мы ж сидим. И вот даже песню эту запомнила, «Ах, эта старая мельница крутится-вертится», и вот это самое. И мы запели, и бабки... А мы же не знали...

А. П. Шевелёва демонстрирует портрет Марины Прокопцовой, спасшей икону-«свечу». 2023 г. Фото А. Б. Мороза

А бабки вышли с горницы, мы во второй комнате, допустим, а там же у них это... зал, какая-то горница, с горницы вышли: «Девки, вы что делаете!» А петь нельзя. «На что вы пеё... это... пеёте?» Нет, там вышла ж эта вот баба Маня. «Пёете начто?» Эм... это, маленькая кузюмочка. [Смеется.] «Пёете на что? Нельзя сегодня в этот день петь, нельзя». А Галя ещё говорит: «Ой, баба Маня, ты, это, вроде...» Ну и всё. Ну, мы тут раз и не стали петь. И ведь через какое-то время Галя умирает. Заболела и всё, и онкология или стечение обстоятельств, или ещё что-то. [То есть нигде в этот день петь нельзя?] Нет, можно. Но вот там, где эта икона... [Не в доме, где эта икона?] Да, вот это. [В доме, где вы пели, была эта икона?] Была [ЗВИ].

В настоящее время в Осиновке живет около 30 человек, но сам обряд совершается четырьмя семьями, которые передают икону только между собой. Это связано в большой степени с существенными затратами средств и усилий, необходимыми на организацию празднования. Ранее, когда в обряде участвовали все или большинство жителей Осиновки, того, кто следующим будет принимать «свечу», не выбирали — очередь переходила по соседству. Через дорогу передавать «свечу» было нельзя: сначала ее принимали последовательно все, кто жил на одной стороне улицы, потом переходили на другую. Старались не отказываться принимать икону; до сих пор пересказывается история, как однажды «свечу» приняла семья Шарайкиных, в которой муж был коммунистом и колхозным бригадиром.

Вам, наверно, рассказали историю про икону, что вот когда очередь дошла до бригадира Петра Ивановича Шарайкина, что ему... он коммунист был, и очередь в деревне огромная была. И им принесли... у соседей

стоит икона и следущ... и к йим, и он жене сказал, что: «Ага, я коммунист, да меня вроде того, что...» — что нельзя к нему эту икону нести. Жена сказала: «Значит, нельзя — иди в другой куда-то, вроде... а я приму эту икону». Ну, и чтобы ему не... вроде позвонили первому секретарю райкома партии, Станиславу Матвейчу Хлынову, и говорят: вот такая история. А он им ответил: «Не нами это заведено — не нам это прекращать» [МВД].

В нынешних обстоятельствах ситуация с обрядом претерпевает существенные изменения. С одной стороны, мы видим резкое снижение числа желающих принимать икону и устраивать праздник. С другой — популярность ритуала стремительно растет, и из локальной традиции самоходов «Свеча» превратилась в известную в масштабе всей Тюменской области и за ее границами местную достопримечательность, своего рода локальный бренд, поэтому специально на перенесение иконы приезжают сотни людей, желающих кто исцеления и помощи в жизненных неурядицах, кто увлекательного зрелища.

В публикации, основанной на материалах экспедиции 2011 г., встречаются нарративы, во многом дословно схожие с записанными в 2023 г., — например, практически идентичные истории о спасении иконы Марией Прокопцовой и о семье коммуниста Петра Ивановича Шарайкина [5. С. 76]. Это может говорить о существовании давно сложившегося текста, который используется местными жителями для представления своей традиции посторонним. Подтверждением может послужить и тот факт, что в Доме культуры в Ермаках хранится макет иконы-«свечи», с которым местный хор «Россияночка» ездит на выступления, представляя обряд.

А. П. Шевелёва с сосудом для свечей перед иконой-«свечой». 2023 г. Фото А. Б. Мороза

В с. Ермаки, откуда, по преданию, принесена икона, несколько лет назад открылась маленькая церковь, под которую выделили здание бывшего магазина. Своего священника в селе нет, но есть активная, хотя и немногочисленная община. В этой связи возникли разговоры о том, чтобы передать икону в церковь. Однако жители Осиновки отдавать ее не захотели, так как среди прочего уверены в том, что икона оберегает деревню.

О том, что икона наделяется защитной функцией, свидетельствует и ее использование в других обрядах. Ту же икону в периоды засухи могли брать для обхода деревни. Во время обходов пели «божественные» песни и что-то «приговаривали», после этого шли на речку и опускали икону в воду.

[Как вызывали дождь?] [ПСА:] Дождь — вот в Осиновке икона есть <...> Ну, вот эту икону, вот если бывала засуха раньше, вот я ещё пацаном был, и вот собирались бабки, и брали эту икону, и ходили вокруг деревни с иконой, там чё-то пели божественное, чё-то приговаривали. [ПНК:] Тогда в действительности дождь шёл. [ПСА:] И это, и потом через какое-то время там, ну, тут же вскорости шел действительно дождж'ик. [Именно эту икону?] Да, именно эту и больше никакой.

И вот, этот, берут икону эту, ставят там на конце стоу, и у нас на конце стоу ставят. И воду, ведро, там ведро и тут ведро, и вот эту икону таскали женщины. Женщины... яна же тяжёлая, и их мноу таскало людей, шли пели песню. А какую песню, я же не знаю. Я ещё маловата была. И вот они вокрх уорóду. И вот хто на уорóде, я вот на уорóде была с Велей, мы выходили с уорóда, целовали её, эту икону, и маленько проводжали, потом опять на уорóд пошли. И вот

эти женщины несли вокруу и пели песню, и там обливали эту икону водой, и опять вокруу несли. Тут облили — и на место её ставили. И дошш потом ходил. [То есть один полный круг делали?] Да, да. Уот так крууом. [Икону целовали те, кто в этот момент был на огороде или все?] Ну, як на уорóб, хто, это, идёт, и он целует и на уоро... Кто на уорóдах, картошку жа окучиваешь, там они несут. [То есть все, кто был на пути?] Да, ну пути, ну [ЮЗП].

По одному из сообщений, во время засухи не только носили икону, но и бросали в воду кусок марли.

[Что-то делали, чтобы не было засухи?] А это надо в Осиновке. Там викону носили, когда засуха. [Как носили?] Викона там, в Осиновке, каждый год её перьяносят с дома в дом. [И что с ней в засуху делали?] Ну, старые люди раньше носили, песни какие-то богомольные пели. Потом марлю в речку бросали и опять викону... у кого яна́ была, и вроде того, что... Они, наверно, тоже, старые люди, знали, что дошш будет. [Смеется.] По... по радио или что... рассказывали. И вроде дошш начнётся как будто. [Марлю в речку бросали?] Ну, марлю чё-то что в то... в речку бросали, так-то я пацаном был. [Просто кусок марли в речку?] Ну, как-то я не пойму, дак чёрт их знает [ДМИ].

В обряде «Свеча» мы видим трансформацию «классического» белорусского ритуала в анклав. С одной стороны, сохраняются весь основной ритуальный комплекс и его компоненты, с другой — меняется повод для установления ритуала (спасение иконы и попытка создания нового сакрального центра взамен уничтоженного); изначально локальный (бытующий в границах одного села) обряд сначала распространяется на три соседние

самоходские деревни, а затем становится общерегиональной достопримечательностью; наконец, икона-«свеча» задействуется в обряде вызывания дождя и в качестве чудотворной иконы служит объектом почитания паломников, т.е. начинает использоваться вне ритуального комплекса, центром которого она изначально была.

Примечания

¹ См. список информантов на с. 31.

² Имя Елена, скорее всего, появляется тут вследствие оговорки. Женщину, прятавшую у себя икону, звали Марина или Мария.

Литература

1. Багаишев А. Н., Федоров Р. Ю. Народные православные традиции белорусских крестьян-переселенцев в Зауралье // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 56–63.

2. Белова О. В., Мороз А. Б. Народное православие на пограничье: Обряд *Свеча* и его версии // Фолклористика. № 4. 2019. С. 6–91.

3. Богданович А. Б. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895.

4. Крамор Г. А. В краю медовых лип: Экспедиция в Викуловский район // Коркина слобода: краеведческий альманах. Вып. 5 / [ред. Т. П. Савченко]. 2003. С. 96–116.

5. Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологические аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 72–82.

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2023 г.

См. иллюстрации на 1-й и 2-й страницах обложки.

Вера Александровна Федорова,

студентка магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ О МОСТЕ И КЛАДБИЩЕ В с. ЕЛОВКА

Аннотация. В статье публикуются рассказы жителей с. Еловка о «страшных» местах в селе. Первый комплекс нарративов связан со «страшным» местом «у мостика» и персонафикацией страха — различными персонажами, которые виделись жителям Еловки. Второй комплекс связан с кладбищем — с историей его основания, «обреканиями» и ходячим покойником (колдуном).

Ключевые слова: демонология, страх, «страшное» место, кладбище, колдун, ходячий покойник, «обреkanie»

Еловка, раньше большое, а теперь вымирающее село, находится в пяти километрах от Ермаков. От двухсот домов в Еловке осталось совсем немного, все, кто там живет, называют себя *самоходами* — пересе-

ленцами из Белоруссии. Среди жителей Ермаков Еловка воспринимается как удаленное и обособленное село. По их мнению, в Еловке лучше, чем в Ермаках, сохранился «самоходский» говор.

Ну, наши ермаковцы как-то не так, а в Осиновке, в Еловке я многих не понимала. Они были... у них очень сильный... белорусский язык был. Акцент этот белорусский. Я многого не понимала [ЖЛН]¹.

Жители Еловки считаются «настоящими», т.е. не ассимилированными самоходами, и если в Ермаках и Осиновке воспроизводят мифологические нарративы, то действие части из них происходит в Еловке. У самих жителей Еловки тоже есть нарративы об окрестностях своего села.

Вокруг Еловки болотистая местность, старожилы рассказывают, как они в детстве помогали осваивать болота и лес под поля. Теперь же поля зарастают. На входе в Еловку протекала небольшая речка, фактически ручеек, через который был перекинут мостик. Теперь, когда проложили новую дорогу, ручей взят в трубу